

“МЫ ЖИВЕМ ТАК, КАК ГОВОРИМ, И ГОВОРИМ ТАК, КАК ЖИВЕМ”

— Ольга Александровна, начать хотелось бы традиционно. Если можно, расскажите немного о себе.

— Наверное, есть смысл начать с того, как я оказалась здесь, в Волгоградском государственном университете. Это было 20 лет назад.

После окончания МГУ им. М.В. Ломоносова я год проработала по распределению в 24-й вечерней школе Красноармейского района. Если честно, об этом нисколько не жалею. Это было время, полное такого количества разнообразных впечатлений, что воспоминания остались самые светлые, несмотря на то, что контингент в школе был сами понимаете какой. Ведь в ту пору в вечернюю школу отправляли, как правило, не самых лучших, а тех, кто не мог справиться с программой общеобразовательной школы.

А потом я попала сюда, в ВолГУ. И, как говорит Софья Петровна Лопушанская, прошла путь от лаборанта до профессора. Потом еще три года прожила в Москве, училась в аспирантуре МГУ, а после

защиты диссертации снова вернулась в Волгоград. И с 1990 года работаю в ВолГУ постоянно, за исключением поездок на стажировки в Австрию и Германию или на конференции и семинары. Но это все кратковременно.

— Почему для учебы выбрали именно МГУ? Ведь в то время были и другие вузы?

— В этом “виновата” моя мама. Я всегда относилась к оценке своих способностей достаточно строго и даже мечтать не могла об МГУ. После школы, когда встала проблема, куда пойти учиться, мама сказала: “Давай, ты попробуешь поступить в МГУ”. Попробовала — получилось. Правда, не с первого раза, но получилось. И я за это очень своей маме благодарна.

— Чем вас увлекла стилистика, и почему именно стилистика? Ведь можно было изучать и другие направления языкознания...

— Я занимаюсь не просто стилистикой. Сфера моих интересов — речь звучащая, стилистика звучащей речи. Поэтому сначала была звучащая речь, а потом уже стилистика. Это началось в МГУ, в пору моего студенчества, с лекций Михаила Викторовича Панова по русской фонетике. Когда я пришла на первую лекцию Михаила Викторовича, то не имела ни малейшего представления о том, что это ученый с мировым именем. Но сразу поняла две вещи: во-первых, на лекции нужно приходиться заранее, чтобы успеть занять место. Потому что люди сидели и на подоконниках, и на ступеньках в проходах... А во-вторых, это было настолько интересно, что все слушали, ловя буквально каждое слово.

А на втором курсе я пошла в спецсеминар по звучащей речи к Елене Андреевне Брызгуновой. Елена Андреевна была известна на филологическом факультете МГУ как автор теории русской интонации. О ней очень хорошо сказал Михаил Викторович Панов в одной из своих последних статей: “Океан нельзя вычерпать ложкой. А у Елены Андреевны это получилось. Потому что она смогла

вместить все многообразие русской интонации в семь интонационных типов, которые описала". Да и потом, в пору моего студенчества на факультете не было специальности "Русский язык как иностранный", а Елена Андреевна читала курс по РКИ, и студенты русского отделения могли прослушать этот курс и получить, как сейчас говорят, сертификат и преподавать русский язык иностранцам. Это тоже привлекало. И вот тогда у меня и проснулся интерес к звучащей речи. А потом уже была стилистика звучащей речи, сначала художественной, а потом — духовной.

— Ольга Александровна, что же сейчас творится с "великим и могучим"? Откуда появляются эти нелепые реформы языка, когда как слово произносится, так оно и пишется; откуда взялось то обилие жаргонизмов, мата? Почему так засоряется язык?

— Вы знаете, я отношусь к числу тех филологов, которые достаточно спокойно воспринимают изменения, происходящие в языке. В общем-то, для эпохи социальных перемен, в которой мы сейчас живем, изменения в языке — совершенно органичны. И так было всегда — в пору революционных переворотов в России в начале XX века, в Петровскую эпоху... Потому что язык и общество — это две сообщающиеся системы: то, что происходит в обществе, отражается в языке, и наоборот. Да, действительно, демократические перемены в стране повлекли за собой демократизацию языка. Но менталитет русского человека такой, что меры мы ни в чем не знаем: сначала разрушаем все до основания, а потом начинаем все с чистого листа. Я уверена: все рано или поздно образуется. И тем, кто сейчас говорит о том, что русский язык заполонен жаргонизмами, просторечными словами, мне хотелось бы напомнить слова Виталия Григорьевича Костомарова из его книги "Языковой вкус эпохи", вышедшей в середине 90-х годов. Он писал, что в русском языке конца XX века действуют две разнонаправленные тенденции, на базе которых происходят активные процессы перестройки стилистической системы. Это тенденция к "оразговариванию", когда в речи все чаще используются какие-либо разговорные, сниженные элементы, и другая тенденция — к "вокнижению", когда активизируется лексика, вышедшая на время из употребления, в активный оборот включаются те слова, которые имеют церковнославянские корни, которые связаны с профессиональной сферой, православием... Конечно, на первый взгляд кажется, что экспансия жаргонизмов слишком сильна и разрушает язык. Нет, есть и другие тенденции, и не нужно об этом забывать, нужно верить в великий и могучий русский язык.

— То есть, если я вас правильно понял, сейчас с языком происходит то же, что и в начале XX века? Я имею в виду кубофутуризм и кубофутуристов, их словотворчество... Что-то подобное и сейчас переживает русский язык?

— Я думаю, да. И это нормально для языка как живого организма. И потом, одно дело — разного рода социальные преобразования, возникающие в обществе время от времени, и другое дело — конец и начало века. Даже перед каждым новым годом мы обычно как бы оглядываемся назад, вспоминаем, что сделано, строим планы на будущее. А тут — рубеж веков. Новый век, как правило, несет в себе какие-то новшества, ожидаемые и неожиданные, в том числе для языка и литературы.

Я не устаю повторять, что язык и общество — это сообщающиеся сосуды. Эти две сферы настолько взаимосвязаны, что отделить одно от другого очень трудно, просто невозможно. Ведь строят заводы, растят детей, добывают нефть люди, которые говорят на языке. И их жизнь отражается в языке точно так же, как и язык влияет на их жизнь. Своим студентам на лекциях я всегда говорю: "Мы говорим так, как живем, и живем так, как говорим". То языковое пространство, которое создается человеком говорящим, неизбежно оказывает влияние и на самого человека. От того, как мы выражаем себя в языке, зависит наше настоящее, наше будущее.

Утром вы идете на работу и предьявляете себя как личность в речи с помощью языка. Вы общаетесь с коллегами, с совершенно случайно встретившимися людьми опять-таки с помощью языка. И то, как сложатся ваши отношения и, в конце концов, как повернется ваша жизнь в тот или иной момент, тоже зависит от того, как и что вы скажете. Ведь словом можно очень многое сделать. И то, что наше общество, государство обеспокоено проблемами, связанными с языком, радуется. Попытка

принять закон о русском языке как государственном, появление многих новых журналов по языкознанию, статей, посвященных вопросам речевой культуры, свидетельствуют о том, что на уровне государства появилось понимание важности проблемы “язык и общество”.

Буквально на прошлой неделе мы на кафедре обсуждали докторскую диссертацию, посвященную речевым стратегиям и тактикам в речи современной политической элиты. Диссертация о том, как говорят политики и как они должны говорить. Ведь речь — тот инструмент, с помощью которого осуществляется практическое управление государством.

— Если не секрет, как у нас говорят политики?

— Политики говорят по-разному, и в этом отношении нашего Президента В.В. Путина можно отнести к числу политиков, владеющих риторической грамотностью, умеющих донести свою мысль до слушателя на хорошем русском литературном языке. Конечно, есть и другие примеры, но, тем не менее, отрадно, что речь главы нашего государства соответствует тем критериям хорошей речи и тем представлениям о русском риторическом идеале, которые существуют на сегодняшний день.

— Но если просто выйти на улицу, то легко убедиться в том, что речь большинства людей очень далека от идеала...

— Я с вами совершенно согласна. Мне кажется, что отсутствие каких-либо внутренних нравственных критериев, представлений о том, что хорошо, а что плохо, характерно сейчас для большей части нашего общества. Но мне кажется, что отсутствие каких-либо внутренних установок, связанных с нравственными, этическими основами бытия, сегодня не случайно, оно обусловлено тем, что происходит на уровне государства. А ведь на государственном уровне до сих пор четко не сформулированы те нравственные, этические законы, по которым должно жить новое общество. Мы — как всегда — отвергли все то, что было, сказали, что коммунистические идеалы — это плохо, нам это не подходит, а как жить сейчас, в общем-то, никто не объяснил. Поэтому каждый живет так, как считает возможным. А некоторые не задумываются даже над этим. Живут, как живется.

— Студенты филфака понимают то, что именно им потом придется вытягивать русский язык? Я имею в виду бытовой уровень. Ведь выпускники филфака — это преподаватели, журналисты... От людей этих профессий ведь зависит очень многое.

— Честно скажу, я не встречала таких студентов, которые приходили бы и говорили: “Я считаю, что я должен быть проводником русской речевой культуры в широких слоях общества”. Тем не менее, судя по тому, как студенты работают на занятиях, в частности по стилистике, литературному редактированию, основах культуры речи, возникает ощущение, что они, находясь в стенах университета, начинают понимать, что университет обязывает их быть проводниками русской речевой культуры, которая является неотъемлемой частью культуры вообще. Я смею надеяться, что в лучших своих проявлениях наши студенты так и делают.

— Если брать студентов за последние 15 лет, с начала 90-х до наших дней. Пережили разруху, безвременье... Жизнь вроде бы налаживается. Изменились ли студенты?

— Нам почти всегда кажется, что нынешние студенты хуже предыдущих. Но каждый раз, прощаясь с выпускниками, понимаешь, что лучше этих студентов нет. Я могу сказать, что, естественно, в разные годы приходят учиться студенты разного уровня. Хотя какой-то большой разницы между студентом начала 90-х и началом XXI века нет, на мой взгляд. Всегда есть очень способные, которые хотят что-то получить, есть те, которым практически ничего не нужно. Студент всегда студент. К третьему курсу обычно они проявляются как личности, как исследователи, если есть какие-то к этому задатки.

— Раз уж зашел разговор о студентах, позвольте вот какой вопрос. У каждого преподавателя среди студентов есть "определение". Кто-то очень добрый и сдавать ему легко, кто-то, наоборот, "зверь". За вами закрепилось мнение как о строгом, но справедливом преподавателе...

— Я всегда боюсь быть слишком мягкой по отношению к студентам. Некоторые коллеги даже за мою мягкость меня ругают. Ненавижу тех, кто меня обманывает, не переношу откровенных лентяев. Зато всегда ценю желание получить знания. Если человек не хочет учиться, то у него в жизни ничего не получится. То, что должны делать студенты в университете, — очевидно. Они пришли сюда учиться. Это их работа. И если студент не проявляет должного трудолюбия, это вызывает у меня негативное отношение к нему.

Были случаи, когда студенты по каким-либо причинам не ходили на занятия, и я была полна решимости спрашивать с них очень строго на экзамене. Но если вижу, что студент знает предмет, грамотно, уверенно отвечает на вопросы, то никогда не поставлю ему "неуд". Если человек честно сделал свое дело, значит, его нужно за это поощрить. Даже если он был не совсем трудолюбив и прилежен в течение семестра. Хотя мы, преподаватели, всегда мечтаем о студентах, которые ходили бы на все без исключения лекции и семинары.

Конечно, в аудитории реагируешь на тех студентов, которые задают вопросы, которые осмысленно отвечают материал. Таких студентов я люблю.

— Ольга Александровна, буквально еще два года назад на факультете была всего одна кафедра — истории русского языка и стилистики. Сейчас же кафедра ИРЯ отдельно, кафедра стилистики — отдельно. С чем это связано?

— Наш факультет филологии и журналистики — это живой организм, в котором время от времени должны происходить структурные изменения, отражающие состояние этого организма, его потребности, его потенциальные возможности. Поэтому выделение кафедры стилистики и литературного редактирования и кафедры русского языка два года назад было продиктовано как раз таким состоянием дел на факультете, когда зашла речь об открытии новых специальностей и специализаций и когда возникла необходимость в выделении коллектива, который мог бы эти потребности факультета в обеспечении учебного процесса на новых специальностях и специализациях реализовать. У нас сейчас, кроме традиционной для классического университета специальности "Филология", очень динамично развиваются специальности "Журналистика", "Документоведение", новые специализации "Литературная критика и редактирование", "Зарубежная филология". Кроме этого планируется открытие еще целого ряда специальностей и специализаций, которые будут связаны с подготовкой специалистов в области русского языка и речевой культуры. Как устной, так и письменной. Поэтому веянья времени, требования времени сделали возможным эти изменения в структуре факультета.

— Предпоследний вопрос: оглядываясь назад, вы хотели бы что-то изменить в своей судьбе?

— Мой девиз в жизни — "Все, что ни делается, все к лучшему". Бывают, конечно, моменты, когда оглядываешься назад, осмысливаешь все то, что произошло... Но что-то изменить... Нет, пожалуй, не хотела бы. В моей жизни происходило много всякого — и хорошего, и не очень... Если бы не было негативного опыта в моей жизни, может быть, не было бы и дня сегодняшнего. Ибо, как сказал один умный человек, наше сегодня — это наше прошлое и наше будущее. То, что мы имеем сегодня, результат того, что мы сделали вчера. А наше завтра мы делаем сегодня. В Библии сказано: "Живи одним днем". Это не значит, что не нужно думать о будущем. Это значит, что нужно делать все, чтобы получить то будущее, о котором ты мечтаешь.

— И напоследок, наш традиционный блицпрос:

— Любимая музыка?

— Наверное, я буду немного нетрадиционна в этом отношении... Очень люблю

блюзы...

— Любимая книга?

— Какую-то конкретно выделить сложно. Под настроение. А вообще люблю Ильфа и Петрова, их "Золотого тельца" и "12 стульев". Но последнюю неделю перед сном читаю "Мастера и Маргариту" Булгакова. Не знаю, почему.

— Хобби?

— Хобби — это то, чем занимаешься в свободное время. В свободное время я пытаюсь что-то написать. Вот сейчас заканчиваю спецкурс по стилистике звучащей речи.

А из совсем уже не имеющего отношения к работе — это моя собака Бася. Она мое хобби. Вот уже десять лет я гуляю с ней каждый день по два часа. Эти два часа прогулок дают возможность многое осмыслить, о многом подумать, что-то придумать... Я за это ей очень благодарна.

Андрей ПЕТРОВ 15.02.2005